

В. С. ШАНДРОВСКАЯ, Е. В. СТЕПАНОВА

НЕИЗДАННАЯ РУКОПИСЬ Н. П. ЛИХАЧЕВА «О ВИЗАНТИЙСКИХ ПЕЧАТЯХ»

Николай Петрович Лихачев был крупнейшим авторитетом в области русской и византийской сфрагистики, являясь основоположником ее изучения в России. Широкая эрудиция ученого, огромный материал, которым он лично обладал, позволили ему создать целый ряд работ, в числе которых можно назвать «Печати патриархов константинопольских»,¹ «Некоторые старейшие типы печатей византийских императоров»,² «Датированные византийские печати»,³ «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики»,⁴ монографическое исследование «Историческое значение итапо-греческой иконописи»,⁵ где искусно сочетаются сфрагистика и живопись.

Особое место в научном наследии Н. П. Лихачева занимает «Сфрагистический альбом», состоявший из двух частей. Первая из них, без названия, содержит описание древнерусских печатей,⁶ вторая, «Мотивдовулы греческого Востока»,⁷ — византийские печати, рассматриваемые в плане сопоставления с русскими. Логическим продолжением «Сфрагистического альбома» стала рукопись «О византийских печатях», о чем свидетельствует название таблицы. Первая часть охватывает таблицы 1—57, вторая — 58—83, в рукописи это таблицы 84—121.

В настоящее время рукопись хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН под шифром: фонд 246, опись 1, дела

¹ Лихачев Н. П. Печати патриархов константинопольских. М., 1899.

² Лихачев Н. П. Некоторые старейшие типы печатей византийских императоров // Нумизматический сборник. Т. 1. М., 1911. С. 497—539.

³ Лихачев Н. П. Датированные византийские печати // ИРАИМК. Т. III. 1924. С. 153—224.

⁴ Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л., 1928; Вып. II. Л., 1930.

⁵ Лихачев Н. П. Историческое значение итапо-греческой иконописи: Изображения Богоматери в произведениях итапо-греческих иконописцев и их влияние на композицию некоторых пропавших русских икон. СПб., 1911.

⁶ Эта часть осталась пока неизданной. Материал рукописи вместе с новыми археологическими находками вошел в труд В. Л. Янина «Актамы печати Древней Руси X—XV вв.» (Т. 1—II. М., 1970).

⁷ Лихачев Н. П. Мотивдовулы греческого Востока. М., 1991.

№ 157—159. Она состоит из 798 листов, на 38 таблицах дано описание 716 печатей, относящихся к периоду V—X вв.

При работе над печатями Н. П. Лихачевым было предусмотрено создание фототипических таблиц, в изготовлении клише которых он принимал материальное участие. Из-за трудностей военного времени (первой мировой войны) из подобранных 100 таблиц удалось напечатать только 83. Рукопись «О византийских печатях» фототипических таблиц не имеет, остались лишь схемы предполагаемого размещения печатей.

Цель и задачи исследования «О византийских печатях» определены самим автором в предисловии к рукописи. Характер его содержания раскрывает подход ученого к материалу, дает яркое и четкое представление о методах его работы.⁸

«Решившись представить на длинном ряде последующих таблиц систематический по возможности свод типов византийских печатей, большая часть которых и по историческому значению, и с точки зрения археологии искусства уступает материалу, воспроизведенному на таблицах предшествующих (т. е. таблицах „Сфрагистического альбома“). — В. III, Е. С.), считаю необходимым объяснить смысл и важность такого сипилографического сборника.

По отношению к русским печатям отборные исторические мотивдовулы византийцев в огромном большинстве случаев не представляют прототипов. Зародившаяся в XI столетии под непосредственным влиянием Византии русская сфрагистика воспользовалась обычными в это время типами: 1. с изображением святых и именем владельца и 2. с изображениями святых без имени владельца печати. Понятно, что подобные византийские печати наименее интересны для византиолога и издавались (да и описывались) в небольшом сравнительно количестве в качестве образцов. Большие официальные византийские печати с перечислением титулов и званий не вызвали подражаний на Руси, потому что нечего было перечислять, и для русского исследователя самый этот факт придает интерес мотивдовулам анонимным и таким, которые ни по величине, ни по работе, ни по содержанию надписей не представляют ничего выдающегося для сипилографии византийской.

Следует помнить и то, что ни исторические памятники, ни даже памятники искусства нельзя изучать только по предметам исключительным по важности, красоте или совершенству работы. В основе исследования должна лежать совокупность произведений обычного, распространенного, лишь бы характерного для эпохи, творчества. Так, в византийской сфрагистике печати малого размера и с краткими надписями, встречающиеся во множестве, малопривлекательные по внешности, в некоторых отношениях ничуть не менее ценны, чем большие мотивдовулы. Ценны не только как памятники быта, но и для исследований хронологических, палеографических, историко-археологических.

Возможно, по сравнению, и наблюдения довольно неожиданные. Например, в общем небольшие византийские печати с одними именами и с изображениями святых не отличаются высоким искусством,

⁸ СПб. ФА РАН, ф. 246, оп. 1, д. 157, л. 4—8.

а среди русских старейших печатей тех же коммуных типов встречаются печати замечательно высокой техники. Объяснение в том, что ходячие рыночные типы в Византии были распространены в общественной массе, а на Руси такого же рисунка печати заказывались для особ высокопоставленных, не имевших несколько печатей разного назначения. На Руси влияние в области сфрагистики, по-видимому, стало слабеть еще во второй половине XII столетия в связи с затруднением сношений через степи. Печати стали русифицироваться, а монгольское нашествие нанесло страшный удар культуре и в этом отношении. Печати XIII века резко отличаются от древнейших и по внешнему виду, и по фактуре работы. Византийское влияние новой волной хлынуло уже в XIV столетии. Для сравнения в области византийской и русской сфрагистики наиболее ценны византийские памятники XI века, но весьма важны и печати смежных веков, особенно X и XII.

Вопрос о хронологическом распределении византийских моливдовулов, имеющий такую несравненно важную при обилии недатированных памятников, разработан пока весьма мало. В основе проблемы остаются общие принципы деления, высказанные еще Мордманом в 1873 г. Частично прибавилась возможность определения сходного по установленным историческим памятникам, большая часть которых, однако, издавна в рисунках от руки.

Свод Г. Шлюмберже,⁹ столь драгоценный во многих отношениях, затрудняет сравнения и по относительной точности рисунков, и по тому, что согласно с задачей автора печати (оговоримся, совершенно правильно и основательно) расположены не по типам и не хронологически, а географически и по званиям владельцев. Такая разбросанность типов не могла не отразиться на определении. Памятники сходной фактуры у Г. Шлюмберже нередко обозначаются пределами: 1. VII—VIII, VIII—IX вв., 2. X—XI, XI—XII вв.

Со времени издания „Сигиллографии византийской империи“ мы ушли вперед сравнительно недалеко.

Возьмем основные группы. Например, иконоборческие печати с крестообразной монограммой и формулой $\tau\omega\ \epsilon\omega\ \lambda\omicron\upsilon\alpha\omega\ \eta\mu\iota\ \tau\omega\ \lambda\omicron\upsilon\alpha\omega\ \sigma\omicron\upsilon\varsigma$. Можно доказать документально присутствие этого типа в вполне развитой уже форме в конце VII столетия и в половине IX! Как разделить это неопределенное указание VII—IX вв. (хотя, в сущности, они охватывают период не более двухсот лет). С другой стороны, после-иконоборческая группа с изображением святых. Если мы откинем небольшое число печатей, по типу явно связанных с типами иконоборческого периода и потому определенно относящихся ко второй половине IX столетия, для всей остальной массы памятников большой и малой величины остаются шаткие определения: X—XI, XI—XII века, причем в этот раздел должны быть втиснуты и небольшие печати эпохи первых Палеологов. Там, где изображена Богородица, можно думать о распределении по типам чтимых икон, хронологически сменявших одна другую по прославлению. Но и эта работа еще не произведена. Относительно изображений святых надо ждать помощи от палеографии и изучения стиля.

Та группа печатей, которую мы можем назвать „археографической“ — с подписями на обеих сторонах, представляет не менее затруднений, так как охватывает огромный период времени — два ли не с начала и почти до конца византийской сфрагистики.

Чтобы дать возможность производить палеографические и историко-археологические наблюдения, настоятельно необходимо воспроизвести в фототипических отпечатках возможно большее количество византийских печатей, расположенных по типам.

Б. А. Папченко, автор каталога византийских моливдовулов собрания Русского археологического института в Константинополе,¹⁰ правильно понял необходимость описания *всего* материала, и важного, и признаваемого неважным, но, вынужденный вести описание в инвентарном порядке (в инвентарь попало и несколько безнадежных фрагментов, которые при самом поступлении лучше было бы выделить и не занумеровывать), не дает группировки ни в каком отношении. Один из первых Б. А. Папченко высказывает палеографические наблюдения, указывая, впрочем, более путь для будущих исследователей, чем решая вопросы.

Палеография византийских печатей почти так же своеобразна, как палеография византийских монет, но разностороннее и несравненно богаче в отношении материала. Выводы палеографии рукописей должны быть признаемы с крайней осторожностью, но с них надо начинать и с ними считаться. На печатях преобладает уставное письмо, формы которого постоянно находятся в зависимости и от инструмента мастера, и от места. И то и другое иногда дает странные начертания, с происхождением которых необходимо считаться. Исключительные формы на печатях нередко доходят до полной неожиданности. Так в латинском шрифте печатей старейшего периода возможно встретить начертания из скорониси равнинских папирусов.

В течение многих и долгих лет собирался мною материал по истории сфрагистики и в частых путешествиях, и в непрерывных сношениях с антикварами Западной Европы и Константинополя. Исследование все откладывалось в надежде учиться, учиться и самому решить хотя бы большую часть недоуменных вопросов, которые окружают всякого, заинтересовавшегося русской и византийской сфрагстикой.

В настоящее время считаю за лучшее представить материал на обсуждение специалистов, не страшась обвинений в ошибках и ложных истолкованиях. Пусть испроченное прочтут другие, пусть необъясненное объяснит специалисты, пусть ошибки будут исправлены на пользу общую. Обстоятельства таковы, что было бы еще хуже, если бы находящийся в моем распоряжении материал хрупкий и легко портящийся (даже до полного распада) пропал бы совсем, как, к сожалению, утрачено уже многое.

Византийские печати находимы в земле в весьма значительном количестве, но большая часть их доходит до нас в сильно попорченном виде. Очень хорошо сохранившиеся моливдовулы сравни-

⁹ Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, 1884.

¹⁰ Папченко Б. А. Каталог моливдовулов: Коллекция Русского археологического института в Константинополе // ИРАИК. Т. VIII. 1903. С. 199—246; Т. IX. 1904. С. 341—396; Т. XIII. 1908. С. 78—151. См. также: Он же. Каталог моливдовулов РАИК. Вып. 1. София, 1908.

тельно редки, читаемы с большей или меньшей уверенностью, являются частичным отбором груд свинцовых фрагментов, среди которых многие вызывают горестное сожаление наряду с напряженным и неудовлетворенным любопытством. Мне пришлось очень большое количество материала оставить без внимания по дурной сохранности и фрагментированности надписей. Но и в настоящее издание я помещаю несколько слабо сохранившихся памятников, если они представляют особый интерес с какой-нибудь стороны. Немалое количество плохо сохранившихся печатей падает на те экземпляры, что были в руках Г. Шломберже. Их я решил воспроизвести полностью, так как в „Сигиллографии“ они даны в рисунках, подсказанных рисовальщику. Г. Шломберже редко впадал в прямую ошибку, но сомнительные чтения встречаются. Иногда продолжительное разглядывание подлинника подтверждает конъюнктуры Г. Шломберже, но иногда необходимо оговорить чтение и поставить знак вопроса там, где на рисунках все ясно.

Происхождение каждой печати по месту находки, несомненно, представляет большую возможность. Но именно место-то находки почти никогда неизвестно. В Константинополь свозятся памятники древности с разных сторон и, в свою очередь, оттуда развозятся антикварами турками и армянами. Для таких рынков, как Париж и Лондон, где не может быть местных находок и где антиквары обыкновенно отмечают, откуда куплена вещь, — общее указание происхождения возможно. Гораздо хуже положение относительно Неаполя, например, Рима, Венеции, Севастополя. В Севастополь попадают печати из Константинополя и могут быть сменяемы с найденными в Херсонесе. Выделить материал определенно итальянского происхождения в высокой степени трудно, но нельзя не помнить, что антиквары — нумизматы Италии находятся в деятельных сношениях с Востоком. Например, в последние двадцать пять лет антикварный рынок Венеции изобилует новогреческими иконами, которые нередко приписывались греческой колонии, издавна бывшей в Венеции. На самом деле иконы эти скупались на греческих островах семьей евреев с острова Корфу и только привозились в Италию как место, где на такие предметы был спрос.

Сознавая значение указаний на происхождение печатей, я отмечал по возможности и место покупки, и показания антиквара, если таковые были, и коллекцию, если печати или не из первых рук.

Рукопись включает несколько групп печатей, объединенных в таблицы, носящие следующие названия:

Таблицы 84—86	Конусовидные печати. Пломбы и древнейшие печати.
87—89	Печати латинские и на двух языках. Печати по-гречески, но латинским шрифтом.
90—91	Старейшие монограммы (Объяснение В как специфического начертания). Печати с орлом.
92	Древнейшие печати с изображениями (коней, птиц, <i>varia</i> , даже всадник) и монограммами.
93—95	Древнейшие с надписями на двух сторонах (в конце с монограммами). Есть принадлежащие двум лицам на одной печати.
96	Монограмма имени и надпись. Старейший период.

97—99

1. Призывание помощи Богородицы (не монограммой), на другой стороне — надпись. 2. $\Delta\omega\nu\lambda\omega\upsilon\theta\epsilon\ \theta\epsilon\sigma\tau\omicron\kappa\omicron\upsilon$. 3. слая та-кого-то. Все печати древнейшего периода. 4. Призывание помощи Господа.

100—101

Призывание святой Троицы и с монограммой с двух сторон (печати старейшего периода).

102—105

С монограммами призывания Богоматери, есть и с $\kappa\upsilon\rho\iota\varsigma$. Без $\tau\omega\ \sigma\omega\ \Delta\omega\nu\lambda\omega\upsilon$ вокруг. $\tau\omega\ \sigma\omega\ \Delta\omega\nu\lambda\omega\upsilon$ на другой стороне. Все печати старейшей эпохи.

106

Крестообразные монограммы без $\tau\omega\ \sigma\omega\ \Delta\omega\nu\lambda\omega\upsilon$, лишь в конце с $\tau\omega\ \Delta\omega\nu\lambda\omega\upsilon\ \sigma\omega\upsilon$.

107

Крестообразные монограммы с $\tau\omega\ \Delta\omega\nu\lambda\omega\upsilon\ \sigma\omega\upsilon$ (немногие от Шломберже).

108—111

Крестообразные монограммы с $\tau\omega\ \sigma\omega\ \Delta\omega\nu\lambda\omega\upsilon$.

112—119

Крестообразные монограммы с $\tau\omega\ \sigma\omega\ \Delta\omega\nu\lambda\omega\upsilon$ и часть исторических с фемами от Шломберже.

120—121

С крестом IX—XI вв.

Уже приведенный перечень показывает стремление Н. П. Лихачева к группировке печатей по типам. Во всех своих работах ученый исходил из идеи о необходимости опубликования возможно большего подбора экземпляров по типам и в точной репродукции. Однотипные памятники — одновременно. Исторические экземпляры осветят не исторические. Большой подбор поможет в распределении по варианты, даст хронологические, а может, и географические указания.¹¹ Учитывая трудности датировки моллидовулов, существующих вне связи с документами (за очень редким исключением именно с такого рода печатями приходится иметь дело), типология дает возможность для хронологической атрибуции.

Идя путем сравнительного анализа древнерусских и византийских печатей, на основе своей богатейшей коллекции автор рукописи «О византийских печатях» приходит к мысли о рассмотрении сфрагистического материала в его хронологической последовательности. Он начинается с пломб и печатей раннего, доиконоборческого периода и прежде всего останавливается на односторонних или так называемых конусовидных печатях IV—V вв. Чрезвычайно интересным представляется описание техники их изготовления: «Приходится предположить, — пишет Лихачев, — что брались шаровидный кусочек свинца со сквозным каналом, через который и пробивался предварительный шпур. Шарик помещался в особого рода тиски — будлопирий: верхняя сторона шпуров имела матрицу пломбы, а нижняя — углубление, которое и давало при сжатии те разнovidности хохлика обратной стороны, которые мы находим у пломб того типа».¹²

Весьма ценен в работе анализ печатей с крестообразными монограммами с формулами: $\tau\omega\ \Delta\omega\nu\lambda\omega\upsilon\ \sigma\omega\upsilon$, $\tau\omega\ \sigma\omega\ \Delta\omega\nu\lambda\omega\upsilon$, значительная часть которых относится к иконоборческому периоду. Названные

¹¹ Лихачев Н. П. Моллидовулы греческого Востока. С. 26.

¹² Лихачев Н. П. О византийских печатях. Табл. 84, 1. Другой способ изготовления конусовидных печатей описан в книге В. Зайбга: *Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich*. T. 1. Wien, 1978. S. 33.

печати позволяют пополнить число немногих дошедших до нас памятников материальной культуры этой эпохи.

Благодаря рукописи становится известен ряд двуязычных печатей (греческо-латинских), а также латинских (некоторые с указанием их происхождения из Италии). Печати данной группы весьма малочисленны.

Обращение к истокам сфрагистики, раскрытие путей ее формирования — несомненно, важное решение со стороны исследователя, тем более что и сегодня еще бытует мнение, что сигиллография раннего времени не столь интересна и, по сравнению с печатями X—XII вв., не содержит много информации. Между тем изложенный Н. П. Лихачевым материал убедительно показывает значение печатей как объективного и тем самым весьма важного исторического источника для ранней Византии: он дает представление об административном устройстве империи, о титулатуре этого времени, показывает при этом соотношение титулов и должностей, называет также редкие должности, как, например, мизотер, ашиотарх, кименарх, зигостат, прохотроф, парадикакс и др., ставя в отдельных случаях вопрос о характере их деятельности.

Комментарий Н. П. Лихачева, основанный на данных различных дисциплин (истории, филологии, искусства, нумизматики, палеографии), позволяет найти наиболее точные критерии для датировки моллидовулов, для установления и ряде случаев идентификации владельцев печатей с историческими лицами (см., например, печать Теодота, монаха и главного логофета (686—695 гг.), на таблице 98, 2, или Григория, императорского асикрита и логофета дрома (ок. 781 г.), на табл. 107, 13).

Особенно актуальны в наши дни, в связи с тем что абсолютное большинство печатей беспаспортно, пристальное внимание ученого, обращенное на происхождение печати. В числе мест находок указаны Константинополь, Италия, Анкиона, Мерсиа, Тарс и т. д. При этом Лихачев отделяет место находки от места покупки, что в начале века было особенно важно, поскольку рынок в то время был очень богат сфрагистическими памятниками и печати часто продавались большой ценой, прежде чем они попадали в руки коллекционеров.

Нельзя не отметить, что рукопись содержит достаточно большое число печатей с топографическими указаниями на фемы Опский, фракийский, Кивирреот, Пелопоннес и др., а также на города Трапезунд, Абидос, Дебелт и т. д.

Рукопись Н. П. Лихачева «О византийских печатях», являясь продолжением «Сфрагистического альбома», имеет свою самостоятельную научную ценность. Это первое специальное исследование, посвященное ранней сфрагистике. В изданных каталогах Г. Закоса — А. Веглери, В. Зайбта, П. Шпека¹³ даны лишь краткие описания конкретных печатей, лишённые большей частью комментария.

В рукописи поднят ряд проблем, не получивших пока еще своего полного освещения. Таково, например, положение с изучением палео-

графии печатей. Лихачев высказывает ряд замечаний по этому поводу, касающихся, например, начертания альфы и беты в монограммах и надписях, форм ободков, смешения различных шрифтов и др. С тех пор мало что изменилось в нашем представлении о палеографии печатей, хотя некоторые пагги были сделаны в работах В. С. Шандровской, В. Зайбта, И. В. Соколовой, Н. Икономидиса.¹⁴

Весьма привлекательна идея Н. П. Лихачева о сопоставлении печатей, посвященных изображению Богоматери, с типами «етимых икон, хронологически сменявших одна другую по прославлению» для датировки. Однако эту работу еще предстоит сделать. В настоящее время можно говорить лишь об использовании сфрагистических памятников — для решения тех или иных проблем (статьи Г. П. Галавариса, А. Банк, В. Зайбта, В. С. Шандровской).¹⁵

Рассматривая печати, издавшие прежде Г. Шмолберже в своде печатей «Сигиллография византийской империи», Н. П. Лихачев приводит свою аргументацию в отношении отдельных выводов издателя, тем самым априорируя необходимость пересмотра этого весьма ценного труда. Уточнение многих датировок, предлагаемых Н. П. Лихачевым, открывает путь для более объективного подхода к решению различных исторических проблем.

Усиление интереса в настоящее время к византийской сфрагистике и непосредственно к трудам Н. П. Лихачева и его коллегий вызывает необходимость публикации не утратившей своего научного значения рукописи «О византийских печатях» — последнего труда ученого, завершённого им в 1936 г., в год его смерти. Рукопись, включающая большой по объему материал, столь исключительный по своему характеру и интерпретации, вновь раскрывает перед нами глубину исследования замечательного русского ученого, каким был и всегда остается академик Николай Петрович Лихачев.

¹⁴ Шандровская В. С. Памятники византийской сфрагистики в Эрмитаже // Византийский временник. Т. XXIX. 1969. С. 244—253; Соколова И. В. 1) Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983; 2) Знак сокращения на византийских печатях VIII—первой половины X вв. // Византийский временник. Т. 47. 1986. С. 157—162; 3) Об иконографии византийских печатей VIII—IX вв. // Там же. Т. 42. 1981. С. 106—114; Seibt W. Die byzantinische Bleisiegel...; Ikononides N. A. Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, 1986.

¹⁵ Банк А. В. Геммы—статеры—моллидовулы (О роли сфрагистики для изучения византийского прикладного искусства) // Палестинский сборник. Вып. 23. Л., 1971. С. 46—52; Шандровская В. С. 1) Византийские печати со сценной Благовещением // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. XLVII. Л., 1982. С. 61—63; 2) Византийские печати со сценной Успения // Восточное Средиземноморье и Кавказ. Л., 1988. С. 82—92; 3) О редких изображениях на византийских печатях // Пресса. Т. 4. София, 1993. С. 342—352; 4) Изображения святых воинов в сфрагистике и нумизматике // Византизм и Ближний Восток. СПб., 1994. С. 70—89; Galavaris G. P. 1) The Mother of God; Stabbed with a Knife // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 13. Washington, 1959. P. 229—233; 2) The Representation of the Virgin and Child of the «Thokos» on seals of the Constantinopolitan Patriarchs // *Archivon της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας*. Πεφ. Α. τ. 1. Β'. Αθήνα. 1961. Σ. 154—181; Seibt W. 1) Der Bildtypus der Theotokos Nikopoios: Zur Ikonographie der Gottesmutter—Ikone, die 1030/31 in der Hl. Hieronymus-Kirche wiederaufgefunden wurde // Byzantina. 13. Thessalonike, 1985. S. 549—564; 2) Die Darstellung der Theotokos auf byzantinischen Bleisiegeln, besonders im 11. Jahrhundert // Studies in Byzantine Sigillography. Washington, 1987. P. 35—56; Шандровская В. С. 1) Die byzantinische Bleisiegel als Kunstdenkmäler // Metakunst von der Spätantike bis zum ausgehenden Mittelalter. Berlin, 1982. S. 48—55; 2) Einige Besonderheiten der byzantinischen Siegel // Studies in Byzantine Sigillography. Washington, 1987. P. 27—33.

¹³ Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. Vol. 1, parts 1—3. Basel, 1972; Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel...; Speck P. Byzantinische Bleisiegel in Berlin (West). Bonn, 1986.